

А. ДОЛИНИН

ПУШКИН И АНГЛИЯ

Цикл статей

Москва
Новое литературное обозрение
2007

УДК 821.161.1(092)Пушкин А.С.
ББК 83.3(2Рос=Рус)521-8Пушкин А.С.
Д 64

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. LXIV

*Памяти моей матери
Лидии Моисеевны Гуревич*

Долинин А.

Д 64 Пушкин и Англия: Цикл статей. М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 280 с.

Центральный сюжет книги известного литературоведа — история пушкинских замыслов, отсылающих к произведениям английских авторов, в числе которых не только часто обсуждаемые в пушкинистике Шекспир, Байрон и Вальтер Скотт, но и Дж. Мильтон и Дж. Баньян, С. Кольридж и Р. Саути, Барри Корнуол и Дж. Вильсон. Английские прецеденты, источники и модели, оказавшие значительное влияние на писательскую стратегию Пушкина, рассмотрены с точки зрения тех литературных и культурных контекстов, в которых они переосмыслились в пушкинском творчестве. Такой взгляд со стороны английской словесности дает возможность нового прочтения и оригинальной интерпретации многих пушкинских текстов, в числе которых «Анчар» и «Из Пиндемонта», «Капитанская дочка» и «Анджело», «Скупой рыцарь» и «Пир во время чумы».

ISBN 5-86793-520-5

УДК 821.161.1(092)Пушкин А.С.
ББК 83.3(2Рос=Рус)521-8Пушкин А.С.

© А. Долинин. 2007

© Художественное оформление. «Новое литературное обозрение», 2007

ВСТУПЛЕНИЕ

В воспоминаниях М.В. Юзефовича о встречах с Пушкиным в действующей армии на Кавказе в 1829 году рассказывается:

С ним было несколько книг, и в том числе Шекспир. Однажды он в нашей палатке переводил брату и мне некоторые из него сцены. Я когда-то учился английскому языку, но, не доучившись как следует, забыл его впоследствии. Однако ж все-таки мне остались знакомы его звуки. В чтении же Пушкина английское произношение было до того уродливо, что я заподозрил его знание языка и решил подвергнуть его экспертизе. Для этого на другой день я зазвал к себе его родственника Захара Чернышева, знавшего английский язык, как свой родной, и, предупредив его, в чем было дело, позвал к себе и Пушкина с Шекспиром. Он охотно принялся переводить нам его. Чернышев при первых же словах, прочитанных Пушкиным по-английски, расхохотался: «Ты скажи прежде, на каком языке читаешь?» Расхохотался, в свою очередь, и Пушкин, объяснив, что он выучился по-английски самоучкой, а потому читает английскую грамоту, как латинскую. Но дело в том, что Чернышев нашел перевод его совершенно правильным и понимание языка безукоризненным¹.

Из этого рассказа следует, что английский язык для Пушкина не имел звучания, и потому его восприятие английской поэтической речи не было полноценным. «Сжатость английской фразы — залог ее содержательности, а содержательность — порука ее музыкальности, потому что музыка слова состоит не в его звучности, а в соотношении между его звучанием и значением, — писал Борис Пастернак. — В этом смысле английское стихосложение предельно музыкально»². Вот эта «музыка» английского поэтического слова оставалась Пушкину недоступной: даже если он, как утверждает Юзефович, мог безукоризненно понимать его значение, то не слышал звука и, следовательно, очень приблизительно представлял себе, как они соотносятся между собой.

¹ Юзефович М.В. Памяти Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. / Вступ. ст. В.Э. Вацура; сост. и примеч. В.Э. Вацура, М.И. Гилельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович и др. СПб., 1998. Т. 2. С. 114.

² Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4: Повести. Статьи. Очерки. М., 1991. С. 394.

Более того, долгое время — до самого конца 1820-х годов — Пушкин, читая Байрона или Шекспира во французских прозаических переводах, плохо знал, какую поэтическую форму имеет оригинальный текст: каким образом организованы стих и строфа, каковы их ритмические особенности, какие слова и как рифмуются, где пропущены или добавлены ударения, соблюдаются ли цезуры и т.п. Именно этим его восприятие английской поэзии столь несходно с тем, как он воспринимал поэзию французскую, говорившую с ним, по определению Б.В. Томашевского, на его «втором родном языке»³. В классической работе «Пушкин и французская литература» Томашевский показал, что среди стихотворений Пушкина, имеющих иностранные источники, больше всего переводов и переложений с французского и что он «не стеснялся переносить в свои произведения отдельные фразеологические формулы, заимствованные из французской поэзии»⁴. Если таких «перенесений» французской фразеологии и стилистики, обогащавших русскую поэтическую речь, у Пушкина очень и очень много, то аналогичные заимствования из британской поэзии единичны и относятся только к 1830-м годам, когда он уже неплохо изучил английский язык. Так, в «Евгении Онегине», при всей его зависимости от поэмы Байрона «Дон Жуан», нет ни одного англицизма, а собственно английские слова, имена и выражения (*dandy*, *roast-beef*, *сплин*, *роог* *Yoric*, *вист*, *квакер*, *vulgar* и др.) вводятся в текст как новомодные варваризмы, имеющие ауру непереводаемости, причем дважды ударение в них сдвигается на последний слог, по французской модели (*Child-Harold*, *Мак-Адам*).

Интересные примеры того, какие затруднения у Пушкина вызывала английская фразеология и грамматика, дают его подстрочные переводы из Байрона, Барри Корнуола и Вордсворта, сделанные в 1830-е годы. Простую фразу Корнуола, обращенную к океану: «thy sleep / Is as a giant's slumber, loud and deep» («твой сон, подобно сну гиганта, шумен и глубок»), он передает как «Сон ему великому тяжел и глубок»; «пробужденный бурей воздух» («the tempest-waken air») из того же текста превращается у него в «бурно проснувшийся воздух», а Байронова риторическая формула «guileless beyond Hope's imagining» («естественная/бесхитростная настолько, что и Надежда не могла б такое вообразить») — в «не обманчивая пред воображением Надежды»⁵. То и

³ Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 62.

⁴ Там же. С. 75—77.

⁵ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского, Т.Г. Зенгер. М.: Л., 1935. С. 94—95, 98.

дело попадающиеся в этих подстрочниках французские слова показывают, что Пушкин сначала пытался переводить с английского на французский, а затем уже подбирал русские эквиваленты. В результате даже в пушкинских поэтических переводах английских текстов иногда встречаются галлицизмы. Подобный казус отметил Н.О. Лернер в поэме «Анджело», комментируя необычное словосочетание «избранная речь» в переведенном из пьесы Шекспира «Мера за меру» монологе Изабелы, обличающем лицемерие героя:

Тот грозный судия, святоша тот жестокий,
Чьи взоры строгие во всех родят боязнь,
Чья избранная речь шлет отроков на казнь,
Сам демон...

По точному объяснению Лернера, это галлицизм, где прилагательное «избранная» имеет значение французского «choisi» (о высказываниях: взвешенный, хорошо обдуманый)⁶, и возник он, добавим, в процессе двойного перевода. Пушкин явно искал точный эквивалент для английского «deliberate word» (букв.: осмотрительное / взвешенное / обдуманное слово), которое во французском переводе «Меры за меру», служившем ему подстрочником, было неверно передано как «l'austère parole» («строгая речь»)⁷. Заметив ошибку, Пушкин попытался ее исправить, но для этого ему потребовалось правильно перевести словосочетание на французский язык, а затем уже дать с него фразеологическую кальку.

При этом, сравнивая отношение Пушкина к французской и английской литературам, мы обнаруживаем очевидный парадокс. Несмотря на привычное для него и людей его круга полное погружение во французскую языковую и литературную среду, именно английские авторы чаще оказывали более сильное и продуктивное воздействие на его творчество и литературное поведение. По сути дела, все крупные пушкинские формы так или иначе восходят к английским моделям: южные поэмы — к ориенталистским поэмам Байрона, «Евгений Онегин» и «Домик в Коломне» — к его же «Беппо» и «Дон Жуану», «Борис Годунов» и «Анджело» — к Шекспиру, «маленькие трагедии» — к «Драматическим сценам» Барри Корнуола и «Городу чумы» Джона Вильсона, «Арап Петра Великого» и

⁶ Лернер Н.О. [Примечания к] «Анджело» // Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. Пушкин. СПб., 1915. Т. VI. С. 447.

⁷ Oeuvres complètes de Shakspeare / Traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée par F. Guizot et A. P., traducteur de Lord Byron. Paris, 1821. Т. VIII. P. 223.

«Капитанская дочка» — к историческим романам Вальтера Скотта. Достаточно сильный след в творчестве Пушкина оставили и некоторые другие английские писатели: Дж. Мильтон, Дж. Баньян, Л. Стерн, Ч. Мэтьюрин, Э. Булвер-Литтон, Т. Мур, поэты «озерной школы»⁸. Известно, что в первой половине 1820-х годов молодой Пушкин не без участия своего окружения выстраивал образ «русского Байрона» — вольнолюбивого поэта-изгнанника, сходного со своим образцом даже в мелких привычках («хочу жеребцов выезжать: вольное подражание Alfieri и Байрону», — пишет он брату из Михайловского 22—23 апреля 1825 года)⁹. В зрелые годы, преодолев байронизм, он выбирает для себя иной тип поведения, но опять-таки ориентируется на британских писателей, теперь уже на «просвещенных консерваторов» — В. Скотта, Р. Саути, У. Вордсворта.

Обостренный интерес Пушкина к английской словесности был, несомненно, отчасти спровоцирован французской литературной традицией, для которой еще с вольтеровских «Писем об английской нации» (1733) было характерно повышенное, часто восхищенно-завистливое внимание к британской поэзии и прозе. Как заметил Б.В. Томашевский, «его увлечение английской литературой — Байроном и Вальтером Скоттом — совпадает с годами огромной популярности этих писателей во Франции, и именно во французских переводах Пушкин знакомится с ними, точно так же как позднее он обратится к изучению Вордсворта и лэкистов по следам Сент-Бёва»¹⁰. Тем не менее авторитет французской традиции и роль французской литературной моды не следует особенно преувеличивать. Пушкин был способен самостоятельно оценить и употребить в дело неизвестные во Франции произведения английских авторов, как это произошло с Барри Корнуолом и Джоном Вильсоном¹¹; по-своему откликнуться на Байрона или Вальтера Скотта и, скажем, полностью разойтись с Франсуа Гизо, самым

⁸ См. полезный обзор В.Д. Рака и его же статьи об отдельных английских писателях с основной библиографией: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII—XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004 (по указателю).

⁹ См. об этом: *Немировский И.В.* Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 34—39.

¹⁰ *Томашевский Б.В.* Пушкин и Франция. С. 69.

¹¹ Возможно, Пушкин заинтересовался Барри Корнуолом, прочитав благожелательный отзыв о нем в письме Байрона к Джону Мьюрри от 4 января 1821 года, где были особо отмечены «Драматические сцены». Письмо вошло в жизнеописание Байрона, изданное Т. Муром, которое Пушкин читал во французском переводе поздней весной или летом 1830 года (см. об этом С. 31—32 наст. изд.).

авторитетным французским интерпретатором Шекспира; найти в английской книге (пусть даже во французском переводе) никем не замеченный материал, который давал толчок его вполне оригинальным замыслам. Изъяны в знании языка были для Пушкина не столько препятствием, сколько подспорьем в творческом усвоении «чужого». Избавленный от давления «музыкальности» английского слога, он получал свободу выбора собственных поэтических средств; лишенный возможности понимать некоторые частности текста, он лучше схватывал целое, восполняя пробелы интуитивными догадками, которые часто приводили его к важным художественным открытиям. Поэтому, наверное, с конца 1820-х годов английская литература становится едва ли не главным стимулятором пушкинской творческой эволюции. От нее Пушкин отталкивается и на нее ориентируется в «Анчаре» и «маленьких трагедиях», в «Анджело» и «Страннике», в «Родриге» и «Из Пиндемонти», в «Капитанской дочке» и ряде статей и черновых набросков 1830-х годов.

Разнообразные связи этих произведений Пушкина с английской литературой и рассматриваются в данной книге. Работая над темой «Пушкин и Англия», я старался решать две основные задачи. Во-первых, это была задача комментирования пушкинских текстов — обнаружение их английских (и не только английских) источников, но замеченных моими предшественниками, раскрытие неопознанных реминисценций, цитат и тематических параллелей, объяснение аллюзий. Занимаясь филологическими и историческими разысканиями, я руководствовался принципом, который можно сформулировать наподобие «Бритвы Оккама»: «Подтексты не должны быть умножаемы сверх необходимого». Большая часть моих предположений не выходит за пределы документально устанавливаемого или, по крайней мере, гипотетически очень вероятного круга чтения Пушкина и его «культурной энциклопедии». Немалую пользу мне принес фронтальный просмотр книг из библиотеки Пушкина, в той или иной степени имеющих отношение к английской словесности. Как я убедился на собственном опыте, исследователи, которые не довольствуются замечательным, но неисчерпывающим описанием этой библиотеки, составленным Б.Л. Модзалевским, могут надеяться на интересные находки.

Я разделяю уверенность В.Э. Вацура, непревзойденного мастера историко-литературного комментария, что установление подтекстов у Пушкина — «вовсе не бесплодное занятие. Цитата, реминисценция может функционировать в тексте как “чужое слово” и менять в нем акценты, может дать нам материал для наблюдений над технологией поэтической работы, — наконец, она наглядно

показывает нам связи великого поэта с традицией и плотность поэтической среды, из которой он вырос»¹². В случае, когда мы имеем дело с иноязычными подтекстами, смысловые сдвиги, переакцентировка, образование новых связей становятся неизбежными: образы, идеи, сюжеты, воспринятые и «переведенные» на свой язык чужим сознанием, функционирующим в инородной литературной среде, не могут не попадать в ранее несвойственные им контексты, где они деформируются, вступают в новые конфигурации, вызывают неожиданные инокультурные ассоциации. Например, когда в драме Байрона «Сарданапал» ее герою, ассирийскому царю, во сне является призрак — «полуожившая статуя» его легендарного предка Нимврода, основателя ассирийской империи и ее столицы Ниневии, ни сам английский поэт, ни его англоязычные или французские читатели и критики не связывали этот образ с какими бы то ни было русскими историческими событиями и личностями. У Пушкина, однако, она сразу же вызвала ассоциацию с Петром и Петербургом. «В лице Нимврода изобразил он [Байрон. — А.Д.] Петра Великого», — пишет Пушкин в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» в 1827 году, а шесть лет спустя ожившая статуя русского царя поскачет в его поэме по улицам столичного города на Неве.

Исследование литературных и культурных контекстов, в которых переосмыслились использованные Пушкиным английские источники и модели, и было моей второй задачей. Под этим углом зрения я осмелился заново обратиться к темам, многократно обсуждавшимся в пушкинистике, — «Дон Жуан» Байрона и «Евгений Онегин», «Город чумы» Вильсона и «Пир во время чумы», «Мера за меру» Шекспира и «Анджело», исторические романы Вальтера Скотта и «Капитанская дочка» — и предложить несколько новых решений проблем, с этими темами связанных.

Для этой книги я основательно переработал вступительный очерк «Пушкин и Англия», публиковавшийся ранее в «Эткиндовских чтениях-1» (СПб., 2003), и написал две работы: «“Пир во время чумы” и проблема единства “маленьких трагедий”» и «Байрон в пушкинском зеркале: два отражения». Все остальные статьи, вошедшие в книгу, публиковались раньше в научных изданиях (см. библиографию). Они печатаются с исправлениями и дополнениями, а в одном случае с маленьким *postsriptum*’ом. Многими библиографическими и стилистическими уточнениями я обязан редактору книги Алине Бодровой, чьи замечания были для меня очень полезными. О таком знающем, внимательном и деликатном помощнике я не мог и мечтать.

Для проведения разысканий в Рукописном отделе Пушкинского Дома, необходимых для работы над темой, я получил стипендию Американского Философского Общества (American Philosophical Society Sabbatical Award) на 2000/01 учебный год, за что выражаю искреннюю признательность донаторам. В этих разысканиях я пользовался и продолжаю пользоваться щедрой помощью главного хранителя пушкинского архива Т.И. Краснобородько, которую я не устану благодарить за сочувственное и терпеливое отношение к моим вопросам и просьбам.

Многие положения включенных в книгу работ были сначала представлены в качестве докладов на различных научных конференциях, а также на заседаниях Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома и заинтересованно обсуждались коллегами. Не в силах поблагодарить здесь всех, кто участвовал в дискуссиях или отозвался на последующие публикации, я должен особо упомянуть Д. Бетеа, А.Б. Блюмбаума, М.Н. Виролайнен, Л.И. Вольперт, А.К. Жолковского, Л.Н. Киселеву, Е.О. Ларионову, Г.А. Левинтона, Р.Г. Лейбова, Н.Н. Мазур, В.А. Мильчину, М.С. Неклюдову, А.С. Немзера, М.Б. Плюханову, В.Д. Рака, О. Ронена, Р.Д. Тищенко, К. Эмерсон. Я горжусь тем, что некоторые из исследований, вошедших в книгу, успели получить отклик важнейших для меня авторитетов в филологии — Ю.М. Лотмана, В.Э. Вацура и М.Л. Гаспарова, которых я всегда буду числить среди моих «воображаемых собеседников».

Я давно привык обсуждать все мои пушкиноведческие идеи, доклады и статьи с моими коллегами и ближайшими друзьями — Б.А. Кацем и А.Л. Осповатом. Без их советов, замечаний, знаний и ободрения эта книга не могла бы появиться на свет. Я очень надеюсь, что они отнесутся к ней сочувственно и примут мою благодарность без иронии.

Больше всего меня радует, что идею этой книги с самого начала одобрили мои жена и дочь, Галина и Елизавета Лапины, вдохновители и строгие критики всех моих работ. Не стану рассказывать, чем и как они смогли мне помочь, а скажу только: спасибо за все!

¹² Вацура В.Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 6.